Информация о семье Панян

(Паньян, Панянц, Паниевы)

из селения Агулис Нахичеванского уезда Российской империи

(ныне село Ашагы-Айлис Ордубадского района Азербайджана)

Information about the Panian family

(Panyan, Paniants, Paniev, Panief)

from the village of Agulis in the Nakhichevan district of the Russian Empire

(now the village of Ashagy-Aylis in the Ordubad district of Azerbaijan)

Содержание

1. Вводные замечания

2. Справка о семье Панян историка Аргама Айвазяна

3. Фотографии представителей семьи Панян

4. Описание событий в Агулисе в декабре 1919 года

5. Отрывки из книги «Персия и персы: Эскизы и очерки С. Ломницкого. 1898-1900 гг.» - Санкт-Петербург:1902

6. О возможной связи семьи Панян с торговой семьей Паносенц из Новой Джульфы

7. Разное

Contents

1. Introductory Notes

2. Information about the Panian Family by Historian Argam Ayvazyan

3. Photographs of Members of the Panian Family

4. Description of Events in Agulis in December 1919

5. Excerpts from the book "Persia and the Persians: Sketches and Essays by S. Lomnitsky. 1898-1900" - St. Petersburg: 1902

6. On the possible connection of the Panian family with the trading family Panosents from New Julfa

7. Miscellaneous

1. Вводные замечания

Семья Панян являлась купеческой семьей из селения Агулис, известного в качестве важного торгово-экономического и культурного центра в Средние века и Новое время. Селение располагалось в Закавказье, неподалеку от Нахичевани и в непосредственной близости от Джуги (Джульфы).

В ходе межнациональных столкновений в Закавказье в 1919 году армянское население Агулиса было почти полностью уничтожено, а выжившие жители покинули его территорию и рассеялись по разным странам и континентам.

Составитель этого документа является потомком семьи Панян и собирает информацию о ней. Со мной можно связаться по электронной почте: walter.pogosov@gmail.com

Данный файл представляет собой собрание сведений о семье Панян, найденных в разных источниках. Материал разбит по разделам. В каждом разделе сначала идет русская версия, а затем — английская (автоматический перевод системой Google).

1. Introductory Notes

The Panian family was a merchant family from the village of Agulis, known as an important trade, economic, and cultural center in the Middle Ages and early modern periods. The village was located in Transcaucasia, near Nakhichevan and in close proximity to Jugha (Julfa).

During the interethnic clashes in Transcaucasia in 1919, the Armenian population of Agulis was almost completely annihilated, and the surviving residents fled the area and dispersed across various countries and continents.

The author of this document is a descendant of the Panian family and is collecting information about them. You can contact me by email at walter.pogosov@gmail.com.

This file is a collection of information about the Panian family found in various sources. The material is divided into sections. In each section, the Russian version appears first, followed by the English version (automatically translated by Google).

2. Справка о семье Панян историка Аргама Айвазяна

Автоматический перевод с армянского с помощью Google:

ПАНЯН Алексан (умер в декабре 1919 г.) - Агулис. Настоятель Товминского монастыря. 1919 г. Один из организаторов дела о сокрытии сокровищ церквей Агулиса, которого замучили до смерти турки и местные татары, чтобы выяснить место укрытия.

ПАНЯН Багдасар (XIX век) - купец. Он родился и работал в Агулисе, затем в России и других странах. Был членом попечительского совета школ Агулиса, занимал должности школьного библиотекаря.

ПАНЯН Георгий Оганес (XX век) - инженер. Он родился в Тбилиси (Грузия) в семье Агулисцев. Работал в Грузии и Армении.

ПАНЯН Акоп (1860-1930) - купец. Он родился в Агулисе. Торговал в России, Персии и других странах.

ПАНЯН Ованнес (XIX век) - благотворитель. Он родился в Агулисе, одном из потомков известной местной династии Паньянов. XIX век Недавно он подарил монастырю святого Карапета (Абракунис) 2 полусеребряных палочки.

ПАНЯН Мелкон Гаспари (1828–1901) - священнослужитель (церковнослужитель?), общественный деятель. Он родился в Агулисе. 1887 г. Армянская Церковь Москвы Хач был наместником церкви. Он выполнил ряд патриотических работ для армянской общины Москвы. Был в близких отношениях с Назаряном, Раффи, М. Налбандяном, Р. Патканяном и другими.

ПАНЯН Юрий Гарегин (XX век) - скрипач. Он из Агулиса с корнями. Работал в Ереване, работал в Театре оперы и балета.

Дополнительно, из других источников:

Мелкон Гаспарович Панянц (с 1868 г.), удостоен был наследственного звания «Почетный гражданин города» и награжден орденами св. Станислава III ст. и св. Анны III ст. В его бытность ктитором церковь Сурб Хач была обновлена, как и дома при ней.

2. Information about the Panian Family by Historian Argam Ayvazyan

Automatic translation from Armenian by Google:

PANYAN Aleksan (died in December 1919) - Agulis. Abbot of the Tovminsky monastery. 1919. One of the organizers of the case of hiding the treasures of the churches of Agulis, who was tortured to death by the Turks and local Tatars to find out the hiding place, but did not know where this hiding place was.

PANYAN Baghdasar (19th century) - a merchant. He was born and worked in Agulis, then in Russia and other countries. He was a member of the board of trustees of the schools of Agulis, held the position of school librarian.

PANYAN Georgy Oganes (20th century) - engineer. He was born in Tbilisi (Georgia) in the Agulis family. He worked in Georgia and Armenia.

PANYAN Akop (1860-1930) - merchant. He was born in Agulis. He traded in Russia, Persia and other countries.

PANYAN Hovhannes (19th century) - benefactor. He was born in Agulis, one of the descendants of the famous local Panyan dynasty. 19th century He recently donated 2 half-silver sticks to the monastery of St. Karapet (Abrakunis).

PANYAN Melkon Gaspari (1828-1901) - clergyman (clergyman?), public figure. He was born in Agulis. 1887 Armenian Church of Moscow Khach was the vicar of the church. He carried out a number of patriotic works for the Armenian community of Moscow. He was in close relations with Nazaryan, Raffi, M. Nalbandyan, R. Patkanyan and others.

PANYAN Yuri Garegin (20th century) - violinist. He is from Agulis with roots. He worked in Yerevan, worked at the Opera and Ballet Theater.

Additionally, from other sources: Melkon Gasparovich Panyants (since 1868), was awarded the hereditary title of "Honorary Citizen of the City" and was awarded the Order of St. Stanislav III and St. Anna III. During his time as a founder, the Surb Khach Church was renovated, as were the houses around it.

3. Фотографии представителей семьи Панян

3. Photographs of Members of the Panian Family

Фотографии из книг Аргама Айвазяна:

Photos from Argam Ayvazyan's books:

110. Ագուլեցի Փանյանը տարազով
(1870–ական թվականներ)

154. Ողոհիի Ս. Ստեփանոս եկեղեցին

154 ա, բ, գ Փանյաններ (Ագուլիս)

Из частных собраний потомков семьи:

From private collections of family descendants

Верхние Акулисы

Семья Паниевых

Слева направо Баго, Соня, Оля, Виктор (Вато), Христофор (Хисти), Сурен, Ментор, Воски, бабушка Зюмбрюд, дедушка Никита. Лежат: дети Воски – Левон, Маруся, Сурен.

Upper Akulisy

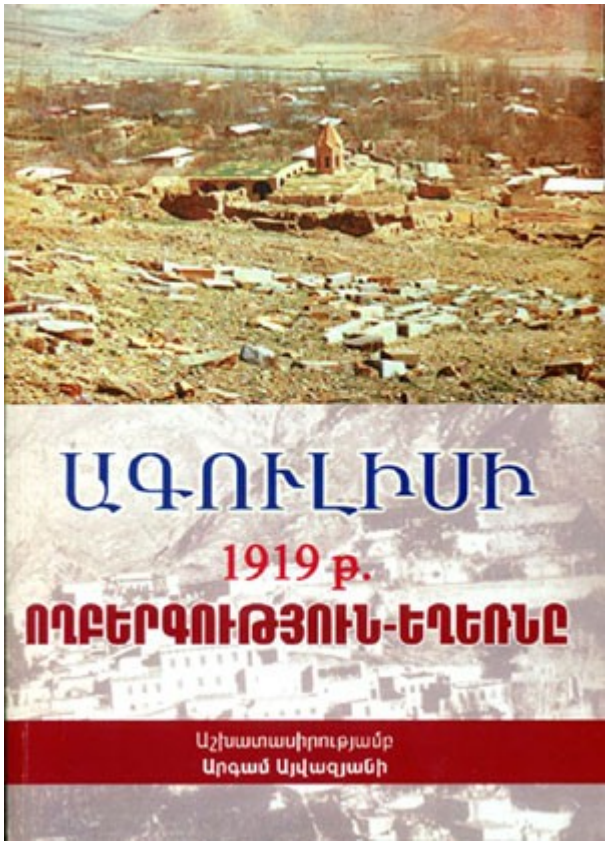
The Paniyev Family

From left to right: Bago, Sonya, Olya, Victor (Vato), Christopher (Khisti), Suren, Mentor, Voski, Grandma Zumbryud, Grandpa Nikita. Lying down: Voski's children - Levon, Marusya, Suren.

Мкртыч (Никита) Панян с семьей
Mkrtich (Nikita) Panyan with his family

4. Описание событий в Агулисе в декабре 1919 года

Отрывки из книги армянского историка А. А. Айвазяна «Агулис 1919. Трагедия-Геноцид». Перевод на русский выполнен в 2025 году.



Отрывок 1: о семье Карапета Паняна

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Настоящие воспоминания, личность автора которых нам до сих пор установить не удалось, по всей вероятности, изложены в 1921-22гг. Изложены они черными чернилами на 5-и страницах трех листов размера А3. Сохранив правописание автора, мы внесли некоторые лингво-стилистические, орфографические и пунктуационные поправки и исправления.

А в доме у Карапета Панянца собрались 33 человека, они всю ночь оставались у них дома невредимыми, и это благодаря ордубадскому турку по имени Аласкяр. Этот Аласкяр, впятером со своими братьями, еще за 2-3 месяца до резни обещали барышне Панянов, что защитят и ее, и ее род. И все родственники Панянов даже называли его езна Аласкяр, что означает – зять Аласкяр, т.е. – принимали его как своего будущего зятя. А те (Аласкяр и братья) были знаменитые госланские турки. Их (Панянов) собрали и привели в дом пристава, а на бар[ышню] была накинута турецкая накидка (чарсаф). Этих 33 человек завели в середину (толпы), братья впятером (Аласкяр и его братья) вооруженные окружили их и без происшествий довели до места (в Цхна), и только всю семью самого Панянца отвезли в Тавриз, и барышню вместе со всеми. А остальной народ истребили. В ту ночь турки очень сильно старались попасть в дом Панянца, чтобы грабить и убивать. Но те (Аласкяр и его братья) не позволяли. И имущество они сами нагрузили на верблюда и забрали с собой.

Отрывок 2: о судьбе Алексана Паняна

АГУЛИССКИЙ МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА ТОВМА

Святой апостол Товма - это большой монастырь, вокруг которого были дома, а сам монастырь находился почти в центре двора. При монастыре была столовая, родник и большой сад, в котором были плодовые деревья всех видов. В монастыре было три алтаря и большой занавес на алтарь. Это был подарок из Венеции, который был выткан золотыми серебряными и шёлковыми нитками и представлял собой большой алтарь, украшенный драгоценными крестами.

К тому времени уже опасность нависла над Агулисом. Алексан Панян был озадачен вопросом спасения монастырского имущества. Однажды он позвал пастуха Рустама, конюха Алексана (они были переселенцами) и меня. Отправились в Парака. На горе перед этой деревней находилась церковь святого Маргара, думали спрятать монастырское имущество здесь. Но, во-первых, там не решились бы принять на сохранение богатства монастыря, а во-вторых, невозможно было бы переворачивать пол, состоящий из камней-глыб. Решили прямо в Агулисской местности в [.... умышленно пропускаю наименование местности-прим. сост.] спрятать это богатство, и нужно было выполнить это в кратчайший срок. Был назначен день, и Алексан Панян, конюх Алексан, пастух Рустам, нагбачи Ови, я и мухси Степананц Степан поместили богатство монастыря в 17 жестяных нефтяных ёмкостей (во времена царской России нефть перевозили в подобных жестяных ёмкостях, и верблюд едва мог вести две такие ёмкости).

Химик Арасханян, который приехал из Москвы, в каждую ёмкость залил по флакону духов, и мы их запаяли крышками. В одну из этих ёмкостей мы положили королевскую корону, которая весила три пуда (здесь очевидна опечатка по поводу веса короны – прим. сост.), целиком из золота. И в полинявшие три ёмкости мы вместили фарага (? – сост.), сотканные из золота и серебра, а в девять из этих ёмкостей

поместили золото и драгоценные камни. Жестяные ёмкости снаружи обмазали сажей, а на сажу нанесли тавуд (смазочное масло), тавуд покрыли толстым слоем ваты и положили в деревянные бочки из-под нефти. Семнадцать ёмкостей были готовы, вместе с ними взяли тросы и веревки в большом количестве и несколько лестниц, которые заранее сделали. Заготовленные ёмкости отвезли в (... умышленно пропускаю наименование местности-прим. сост.) и всем составом вошли внутрь (...). Дверь закрыли. Это было уже в 10:00 дня, а мня поручили зарезать барана и приготовить пастушеское гормаси. Они вышли в 8:00 вечера очень пыльные, грязные. В это время к нам присоединился агулисский Ашот Мелик Мусян, хмбапет (командир) Товмас и ещё кто-то, кого я не знаю. Из дома Паняна нам отправили лаваш, хлеб, вино, и до поздней ночи пировали. Сокровище осталось невредимым. Тачики (тюрки) поймали Алексана Паняна, конюха Алексана и пастуха Рустама и долго пытали, чтобы узнать место сокровищ. Но те не сказали. И когда на Ордубат наступали армяне, в тюрьме уничтожили именно их. А как узнали, что они спрятали сокровища монастыря - спорили дети конюха Алексана и пастуха Рустама, и турки узнали об этом, именно по этой причине их отвели в Ордубат и арестовали.

Турецкие сёла Онис и Тронис наступали на село Кахакик (Городок). Армяне сопротивлялись. Случайно из Зангезура прибыл Степанян Амазасп с несколькими солдатами. Они вступают в бой с турками и часть армян села Кагакик спасают от резни и отправляют очень короткой дорогой до села Мехри. А когда в Агулисе узнали про резню Кагакик, мы сразу, около 40 парней, очень хорошо вооружённые, выдвинулись на Онис, куда привели армян из Кагакика и закрыли в одном большом хлеву, чтобы в конце истребить их. Мы - агулисские парни, с боем взяли село Онис и освободили армян. С нами также воевали вооружённые парни из Танакерта.

Турецкие сёла Онис и Тронис несколько раз нападали на Танакерт и Агулис, но мы были сильнее и и заставляли их отступать.

КАК ЗАХВАТИЛИ АЗУ

Тачики (тюрки) просили жителей Аза дать им дорогу в сторону Ордубата. Они отправляют одного офицера и одного солдата. Жители Аза убивают офицера, а солдат убегает. Они вновь обращаются, жители Аза вновь отказывают. Ашот Мелик Мусян организовывает около 500 солдат из нагорного Гохтана на помощь жителям Аза. Однако, когда тачики (тюрки) наступают на Азу, нагорный Гохтан отказывается прийти на помощь Азе, мотивируя тем, что, возможно, местные турки нападут на наши сёла. Аза сопротивлялась. У тачиков (тюрков) было шесть пушек и несколько пулемётов. После двухдневного боя тачики отступили с большими потерями. У тачиков не было другого выхода. Они переорганизовались. Они из Нахичевана до Ордубата собрали всех турков вместе с войсками и напали на Азу. Ашот отступил и организовал безопасное отступление. Таким образом, ребята из Агулиса и Танакерта обеспечили дорогу для отступления, и народ из Азы вышел без происшествий.

ВХОД ТАЧИКОВ В ГОРОД ОРДУБАТ

После захвата азы тачики пришли в Ордубат. Агулис не мог противостоять. Тачики, во главе которых был мулла Ваххаба (в дальнейшем — коммунист), без боя вошли в Агулис. Предводителем таджиков был Эдиф бек, офицер, возрастом около 32 лет, который учился в Германии. Его приняли очень хорошо принесли в жертву барана (матаг). Он прямо возле агулисского моста начал говорить речь на чистом турецком. Он дал очень много обещаний что отныне ягнёнок и волк должны жить вместе.
Его целью было, чтобы гохтанские сёла так же как Агулис, сдались без боя, а в конце они бы истребили их. Но те не сдались, потому что их позиции и боевая мощь были лучше.

Эдиф бек практически жил в Агулисе и через несколько дней он фактически разоружил весь Агулис. Составил список и постребовал оружие и издал приказ, что у того крестьянина, у которого найдут ружьё, пистолет, саблю, либо какое другое военное имущество, будет расстрелян. Он

полностью разоружил местных, и через месяц выступил на село Рамис. Положение села Рамис было таким, что оно было похоже на крепость. Въезд был практически с одного места, они были хорошо вооружены и несколько дней оказывали сопротивление. Тачики отступили с большими потерями и вместо этого выступили на Гарадахское ущелье Персии, истребили шесть сёл и остались безнаказанными со стороны персидского правительства.

Чем дальше, тем ситуация все больше ухудшалась. Мы жили в страхе и опасении, вестей из внешнего мира у нас не было. Из-за окраин города постепенно народ собирался к центру. Стоял вопрос отъезда: часть считала что нужно уехать в Цхна, а другая часть, что нужно идти под Ордубатом вдоль реки Аракс в Мегри.

Во времена царской власти телеграфные линии из Ордубата были проведены до агулисской почты. Это линия проходила через двор Овнатанянов справа от большого орешника (посередине). Ашот Мелик Мусян перехватил эту линию, присоединил проволоку к ней и спустил с вершины орешника до находящегося во дворе колодца. Колодец окружили досками так, чтобы двум людям можно было там поместиться. И дочка тех же Овнатанянов - Арус, и с ней - дочь их соседа Мосеса Гидиева, имени которое не помню, они каждый день следили за разговорами из Нахичевана и Ордубатом или Агулисом. Арус и та девушка записывали разговоры и передавали Ашоту. Благодаря этой линии мы узнали очень и очень много секретов. Однажды Эдиф бек, Халил бек и ряд других офицеров гостили в доме Паняна Алексана, там также присутствовал Ашот Мелик Мусян. После прихода в Агулис тачики Ашота Мелика Мусяна назначили гаймогамом (управляющим, наместником провинции).

Они почти все напились пьяными, в том числе и Ашот. Я Ашоту отнёс одну телеграмму, в которой Нахичеванский Соик хан сообщал, что Антанта победила, и тачикские (тюркские) войска в трёхдневный срок должны удалиться от ее границ. Они должны были с собой забрать Ашота, Паняна Алексана, Арама, зятя Тэр Закрунца, меня и ещё нескольких людей. Ашот был настолько пьян, что не мог читать. После того, как

я каким-то образом объяснил ему, он принял сведения из телеграммы всерьёз и распорядился немедленно собрать парней, указанных в этом списке в Шрнатак. Я, Алексан Панян и Джаненц Геворг не пришли. Агулисский пристав сразу спрашивает у тачиков об этом известии. И они идут в турецкий квартал, чтобы подготовиться, дабы утром согласно списку арестовать нас и забрать с собой. Утром начинают искать нас согласно списку, однако никто не попадается в их руки. Мы все уже были на вершине горы Шрнатак. С нами связь устанавливал конюх Алексан. Тачики (тюрки) подозревают турков и нескольких очень сильно избивают, но напрасно.

Тачики отступают, однако Эдиф бек и несколько десятков солдат остаются в Ордубате. Агулис был отъединён от Ордубата. Через несколько дней агулисские граждане встречают нас, и Ашот назначается губернатором. Ашот снова обеспечил оружием.

По вечерам Ашот Мелик Мусян вёл переговоры с Карчеваном посредством костра: если была опасность, то на 7 дней недели они зажигали костры в разном количестве с горы Агсу Сан и с горы Гиндару - если живого человека отправляли, который должен был добраться за 5 дней, но в тот же день стало бы известно. Только несколько человек знали о количестве этих костров. Мы не знали, нам стало известно только в субботу, что три костра - это наличие опасности.

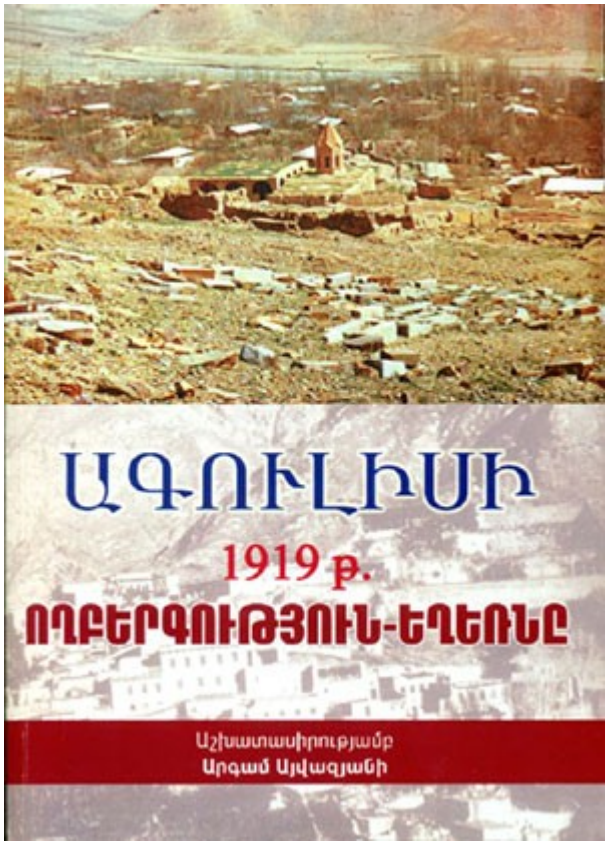
Эдиф бек не мог терпеть этого. Он снова зашёл в Агулис и начал арестовывать в первый раз Алексана Паняна, конюха Алексана и пастуха Рустама. После этого - Степана, брата попа (священника) и Ови из Цхна. Их (последних - прим. сост.) не довезли до Ордубата и расстреляли за церковью Дашти Сурб Саргис. Вместе с теми забрали баграта Шмавона из Вана и многих других. В сентябре напали на Неркин (Нижний) Агулис: часть народа истребили, а другая часть пришла в сторону Агулиса. Чем дальше, тем ситуация ухудшалась. Ашот уже уехал из Агулиса в Зангезур. После 5:00 вечера на улицу выходить было невозможно. Эдиф собирал дань золотом. Он составил отряд из самых опасных турков района, якобы чтобы защищать армян. Участники этой

группы во главе с Молла Вахабом (впоследствии стал коммунистом) заходили в дома, убивали людей и грабили. Изнасиловали нескольких девушек, было и убийство.

Ночью 15 сентября [19]19 г. шла перестрелка в стороне церкви, до утра. Когда утром постучались к нам в дверь, я дверь открыл и увидел солдата-араба и мухси Степанац Степана. Эдиф распорядился, чтобы я, Степан и этот солдат-араб пошли проверять монастырь. Когда мы зашли во двор монастыря, несколько онисских турков с саблями напали на нас. Солдат-араб навёл на них ружьё и защитил нас. Мы вошли в монастырь. В монастыре было два трупа турков. Занавес разделали топором и разделили между собой. Солдат-араб увёл нас в наружный двор, где обезглавили Читиц Воскана. Мы вернулись и сообщили ему это ужасную новость. Но если солдат-араб не присутствовал, значит, он тоже знал. Я всё время смотрел Степанов в глаза: тот (Эдиф - прим. сост.) интересовался сокровищем, которое спрятали. Но он не посмотрел (Здесь непонятно, кто не посмотрел: Степан – на автора, или Эдиф не посмотрел, т.е. – не стал интересоваться, где сокровища – прим. перев.)

4. Description of Events in Agulis in December 1919

Excerpts from the book "Agulis 1919: Tragedy-Genocide"
by Armenian historian A. A. Ayvazyan.
Russian translation completed in 2025.



Excerpt 1: About Karapet Panyan's family

UNKNOWN AUTHOR

These memoirs, the author of which we have not yet been able to identify, were most likely written in 1921-22. They are presented in black ink on five pages of three A3 sheets. While preserving the author's spelling, we have made some linguistic, stylistic, spelling, and punctuation corrections.

Thirty-three people had gathered in Karapet Panyants's house; they remained there all night unharmed, thanks to an Ordubad Turk named Alaskyar. This Alaskyar, along with five of his brothers, had promised the Panyans two or three months before the massacre that they would protect her and her family. All the Panyans' relatives even called him "yezna Alaskyar," which means "son-in-law of Alaskyar," meaning they accepted him as their future son-in-law. And they (Alaskyar and his brothers) were renowned Goslan Turks. They (the Panyans) were gathered and brought to the bailiff's house, and a Turkish shawl (charsaf) was draped over the young lady. These 33 people were led into the middle (of the crowd), five armed brothers (Alaskar and his brothers) surrounded them and brought them safely to their destination (Tskhna). Only Panyants's entire family was taken to Tabriz, along with the young lady and everyone else. The rest of the people were exterminated. That night, the Turks tried very hard to get into Panyants's house to plunder and kill. But they (Alaskar and his brothers) wouldn't allow it. They loaded the property onto a camel and took it with them.

Excerpt 2: About Alexan Panian's fate

AGOULIS MONASTERY
OF THE HOLY APOSTLE TOVMA

The Holy Apostle Tovma was a large monastery, surrounded by houses, and the monastery itself was located almost in the center of the courtyard. The monastery had a dining hall, a spring, and a large garden, which contained Fruit trees of all kinds. The monastery had three altars and a large altar curtain. This was a gift from Venice, woven with gold, silver, and silk threads and resembling a large altarpiece adorned with precious crosses.

By that time already danger loomed over Agulis. Alexan Panyan was puzzled by the question of salvation. monastery property. One day he called the shepherd Rustam, the groom Aleksan (they were settlers), and me. We went to Paraka. On the mountain before this village was the church of St. Margaret, and we thought we could hide the monastery property there. But, Firstly, they wouldn't have dared to accept the monastery's wealth for safekeeping, and secondly, it would have been impossible to turn over a floor made of boulders. They decided to do it right in the Agulis area in [.... I deliberately omit the name of the area - note by the author] to hide this wealth, and it was necessary to do this in the shortest possible time. A day was appointed, and Aleksan Panyan, the groom Aleksan, the shepherd Rustam, the nagbachi Ovi, I, and the muhsi Stepanants Stepan placed the monastery’s wealth in 17 tin oil containers (during the times of Tsarist Russia, oil was transported in similar tin containers, and a camel could barely pull two such containers).

Araskhanyan, a chemist who had come from Moscow, poured a bottle of perfume into each container, and we sealed them with lids. In one of these containers, we placed a royal crown, weighing three poods (there's an obvious typo here regarding the crown's weight – editor's note), made entirely of gold. And in three faded containers, we placed faraga (? – editor's note), woven from gold and silver, Nine of these containers were filled with gold and precious stones. The tin containers were

coated with soot on the outside, then tavud (lubricating oil) was applied to the soot. The tavud was covered with a thick layer of cotton wool and placed in wooden oil barrels. Seventeen containers were ready, along with a large quantity of ropes and cables, and several ladders that had been made in advance. The prepared containers were taken to (... I am deliberately omitting the name of the place - editor's note) and the entire team entered (...). The door was closed. It was already 10:00 a.m., and I was tasked with slaughtering a ram and preparing shepherd's gormasi. They left at 8:00 pm, very dusty and dirty. At that time, Ashot Melik Musyan of Agulis, the khmbapet (commander) Tovmas, and someone else I don't know joined us. From Panyan's house, they sent us lavash, bread, and wine, and we feasted until late at night. The treasure remained undamaged. The Tachiks (Turks) captured Aleksan Panyan, the groom Aleksan, and the shepherd Rustam and tortured them for a long time to reveal the location of the treasure. But they wouldn't tell. And when the Armenians advanced on Ordubat, they were the ones who were killed in prison. And when they learned that they had hidden the monastery's treasure, the children of the groom Aleksan and the shepherd Rustam argued, and the Turks learned of this, which is why they were taken to Ordubat and arrested.

The Turkish villages of Onis and Tronis were advancing on the village of Kaghakik (Gorodok). The Armenians resisted. By chance, Stepanyan Amazasp arrived from Zangezur with several soldiers. They engaged the Turks and saved some of the Armenians of Kaghakik from the massacre, sending them a short distance to the village of Mekhri. When news of the Kaghakik massacre reached Agulis, we, about 40 well-armed men, immediately advanced on Onis, where the Armenians from Kaghakik were brought and locked in a large barn to be exterminated. We, the men from Agulis, took the village of Onis by force and liberated the Armenians. Armed men from Tanakert also fought with us.

The Turkish villages of Onis and Tronis attacked Tanakert and Agulis several times, but we were stronger and forced them to retreat.

HOW AZU WAS CAPTURED

The Tachiks (Turks) asked the residents of Aza to give them passage toward Ordubat. They sent one officer and one soldier. The residents of Aza killed the officer, and the soldier fled. They appealed again, but the residents of Aza again refused. Ashot Melik Musyan organized about 500 soldiers from the mountainous Gokhtan to help the residents of Aza. However, when the Tachiks (Turks) advanced on Aza, the mountainous Gokhtan refused to come to Aza's aid, citing the possibility that local Turks would attack our villages. Aza resisted. The Tachiks (Turks) had six cannons and several machine guns. After two days of fighting, the Tachiks retreated with heavy losses. The Tachiks had no other choice. They reorganized. They gathered all the Turks and their troops from Nakhichevan to Ordubat and attacked Aza. Ashot retreated and organized a safe retreat. Thus, the guys from Agulis and Tanakert secured a path for retreat, and the people from Aza left without incident.

ENTRY OF CARS INTO THE CITY OF ORDUBAT

After capturing Aza, the Tajiks came to Ordubat. Agulis was unable to resist. The Tajiks, led by Mullah Wahhab (later a communist), entered Agulis without a fight. The leader of the Tajiks was Edif Bek, an officer of about 32 years old who had studied in Germany. He was received very well, and a ram (matag) was sacrificed. Right next to the Agulis bridge, he began giving a speech in perfect Turkish. He made numerous promises that from now on, the lamb and the wolf should live together. His goal was for the Gokhtan villages, like Agulis, to surrender without a fight, and ultimately, they would exterminate them. But they did not surrender, because their positions and fighting strength were superior.

Edif Bek practically lived in Agulis, and within a few days he had effectively disarmed all of Agulis. He compiled a list and demanded weapons, issuing an order that any peasant found in possession of a rifle, pistol, sabre, or any other military equipment would be shot. He completely disarmed the locals and, a month later, advanced on the village of Ramis. Ramis's position was such that it resembled a fortress. Entry was practically from a single

point, they were well armed, and they resisted for several days. The Tachiks retreated with heavy losses and instead advanced on the Garadagh Gorge in Persia, destroying six villages and remaining unpunished by the Persian government.

The situation worsened as time went on. We lived in fear and apprehension, with no news from the outside world. People from the outskirts of the city were gradually gathering in the center. The question of leaving was on the agenda: some believed they should go to Tskhinvali, while others believed they should go along the Araks River near Ordubat to Meghri.

During the Tsarist era, telegraph lines were extended from Ordubat to the Agulis post office. This line passed through the Ovnatanyans' yard to the right of the large hazel tree (in the middle). Ashot Melik Musyan intercepted this line, attached a wire to it, and lowered it from the top of the hazel tree to the well in the yard. The well was surrounded with boards so that two people could fit in it. And the daughter of the same Ovnatanyans - Arus, and with her - the daughter of their neighbor Moses Gidiev, whose name I don’t remember, they followe

In the evenings, Ashot Melik M usyan negotiated with Karchevan via fire. If there was danger, they would light varying numbers of fires on Mount Agsu San and Mount Gindaru on seven days of the week. If a living person was being sent, he would arrive within five days, but the danger would be known that same day. Only a few people knew the number of these fires. We didn't know; we only learned on Saturday that three fires meant danger.

Edif Bek couldn't tolerate this. He entered Agulis again and began arresting, for the first time, Aleksan Panyan, the groom Aleksan, and the shepherd Rustam. Then came Stepan, the priest's brother, and Ovi from Tskhin. They (the latter - editor's note) were not taken to Ordubat and were shot behind the Dashti Surb Sargis Church. Bagrat Shmavon from Van and many others were also taken away. In September, Nerkin (Lower) Agulis was attacked: some of the people were exterminated, while others moved towards Agulis. The situation worsened as time went on. Ashot had already left Agulis for Zangezur. After 5:00 PM, it was impossible to go outside. Edif collected tribute in gold. He assembled a detachment of the most dangerous Turks in the area, ostensibly to protect the Armenians. Members of this group,

led by Molla Wahab (who later became a communist), entered houses, killed people, and robbed. They raped several girls, and there was also a murder.

On the night of September 15 [19]19, there was a shootout near the church until the morning. When there was a knock on our door in the morning, I opened it and saw an Arab soldier and the muhsi Stepanac Stepan. Edif ordered that Stepan, I, and the Arab soldier go to check the monastery. When we entered the monastery courtyard, several Onisi Turks with sabers attacked us. The Arab soldier pointed his rifle at them and protected us. We entered the monastery. There were two Turkish corpses in the monastery. The curtain had been cut with an axe and divided between us. The Arab soldier took us to the outer courtyard, where Chitits Voskan had been beheaded. We returned and told him the terrible news. But if the Arab soldier was not present, then he knew too. I kept looking Stepanov in the eye: he (Edif - editor's note) was interested in the hidden treasure. But he didn't look. (Here it's unclear who didn't look: Stepan at the author, or Edif, that is, he didn't inquire about the treasure's location - translator's note.)

d the conversations from Nakhichevan and Ordubat or Agulis every day. Arus and that girl recorded conversations and passed them on to Ashot. Thanks to this line, we learned many, many secrets. One day, Edif bey, Khalil bey and several other officers were guests at Panyan Aleksan's house, and Ashot Melik Musyan was also present. After Ashot Melik Musyan's arrival in Agulis, he was appointed gaymogam (governor, governor of the province).

Almost all of them were drunk, including Ashot. I took a telegram to Ashot, in which Soik Khan of Nakhichevan announced that the Entente had won, and the Tachik (Turkic) troops were to withdraw from its borders within three days. They were to take with them Ashot, Panyan Aleksan, and Aram, Ter Zakrunts's son-in-law. Me and a few others. Ashot was so drunk he couldn't read. After I somehow explained it to him, he took the information in the telegram seriously and ordered the immediate gathering of the men named on the list in Shrnatak. I, Aleksan Panyan, and Dzhanents Gevorg didn't show up. The Agulis bailiff immediately asked the Tachiks about this news. They went to the Turkish quarter to prepare, so they could arrest us in the morning

according to the list and take us away. In the morning, they began searching for us according to the list, but no one fell into their hands. We were all already at the top of Mount Shrnatak. The groom Aleksan was in contact with us. The Tachiks (Turks) suspected the Turks and beat several of them very severely, but in vain.

The Tachiks retreat, but Edif Bek and several dozen soldiers remain in Ordubat. Agulis was separated from Ordubat. A few days later, Agulis citizens greet us, and Ashot is appointed governor. Ashot again provided weapons.

In the evenings, Ashot Melik M usyan negotiated with Karchevan via fire. If there was danger, they would light varying numbers of fires on Mount Agsu San and Mount Gindaru on seven days of the week. If a living person was being sent, he would arrive within five days, but the danger would be known that same day. Only a few people knew the number of these fires. We didn't know; we only learned on Saturday that three fires meant danger.

Edif Bek couldn't tolerate this. He entered Agulis again and began arresting, for the first time, Aleksan Panyan, the groom Aleksan, and the shepherd Rustam. Then came Stepan, the priest's brother, and Ovi from Tskhin. They (the latter - editor's note) were not taken to Ordubat and were shot behind the Dashti Surb Sargis Church. Bagrat Shmavon from Van and many others were also taken away. In September, Nerkin (Lower) Agulis was attacked: some of the people were exterminated, while others moved towards Agulis. The situation worsened as time went on. Ashot had already left Agulis for Zangezur. After 5:00 PM, it was impossible to go outside. Edif collected tribute in gold. He assembled a detachment of the most dangerous Turks in the area, ostensibly to protect the Armenians. Members of this group, led by Molla Wahab (who later became a communist), entered houses, killed people, and robbed. They raped several girls, and there was also a murder.

On the night of September 15 [19]19, there was a shootout near the church until the morning. When there was a knock on our door in the morning, I opened it and saw an Arab soldier and the muhsi Stepanac Stepan. Edif ordered that Stepan, I, and the Arab soldier go to check the monastery. When we entered the monastery courtyard, several Onisi Turks with sabers attacked us.

The Arab soldier pointed his rifle at them and protected us. We entered the monastery. There were two Turkish corpses in the monastery. The curtain had been cut with an axe and divided between us. The Arab soldier took us to the outer courtyard, where Chitits Voskan had been beheaded. We returned and told him the terrible news. But if the Arab soldier was not present, then he knew too. I kept looking Stepanov in the eye: he (Edif - editor's note) was interested in the hidden treasure. But he didn't look. (Here it's unclear who didn't look: Stepan at the author, or Edif, that is, he didn't inquire about the treasure's location - translator's note.)

5. Отрывки из книги «Персия и персы: Эскизы и очерки С. Ломницкого. 1898-1900 гг.» - Санкт-Петербург:1902

В Барефруше ночевка. Хотя сегодняшний переход был небольшой — всего в тридцать пять верст, но плохой путь и усталость лошадей не позволили пройти большего расстояния. Во всяком случае, приятно лечь спать с утешительной мыслью о том, что завтра предстоит переход только в двадцать одну версту, а затем — прощай седло. Признаться, шестидневная верховая езда надоела мне до невозможного; несмотря на прекрасное арабское седло, все же на шестой день чувствуется сильнейшая усталость. В Барефруше вечером мой слух был приятно поражен паровым свистком; здесь, как я сказал, работают два хлопкоочистительных завода, один из которых принадлежит очень крупной и почтенной фирме братьев **Паньянц**. Получаемые ежегодно от очистки хлопка семена (до ста тысяч пудов) частью расходуются на топку паровых котлов, частью продаются персам по 3–4 крана за хальвар, то есть от 60 до 80 копеек за девять пудов; случается, что завод продает их и дешевле, так как ограда завода не вмещает в себе такого количества отбросов. Между тем из хлопкового семени можно добывать превосходное масло, находящее самое разнообразное применение в технике, но очевидно, что условия выжимки масла, доставки его в Мешедисер и затем сбыт не представляют пока достаточно выгод для развития этой отрасли промышленности.

...

После часового перехода вступаем в большую лесную деревню, проходим её насквозь и останавливаемся в сотне шагов от морского берега, который открывается вдруг, не будучи ранее виден из-за частых деревьев. С левой стороны устье реки Бабуль, противоположный берег покрыт густым лесом; с правой — двухэтажное персидское здание — таможня, а ближе к морю громадный караван-сарай с двухэтажной пристройкой, где помещается частная квартира Д. А. Паньянца. Таков Мешедисер, насчитывающий около двух тысяч жителей, цифра для портового города более чем скромная.

...

XXVII. Мешедисер.

В субботу, в одиннадцать часов утра, ровно через неделю после отъезда из Тегерана, я подъехал к гостеприимному дому **Д. А. Паньянца** и, признаюсь, не без удовольствия расстался с седлом.

Дом г. **Паньянца** — поистине странноприимный приют для всех европейцев и главным образом для русских; других иностранцев здесь почти не видно. Каждый христианин, попавший в Мешедисер, находится в положении человека, выброшенного кораблекрушением на необитаемый остров. Во всем городке не имеется не только гостиницы, но даже какого-нибудь постоялого двора или чего-нибудь в этом роде. Здесь нет возможности нанять какое-нибудь помещение, так как ни один перс не осмелится сдать вам в наем часть своего дома; ведь вы вашим присутствием оскверняете его жилище. Очевидно, страх перед духовенством так велик, что удерживает паству даже от заработка. Если бы кто-нибудь и решился на такой поступок, то такого ослушника муллы немедленно привлекут к духовному суду, посадят в тюрьму, подвергнут пыткам и истязаниям и оберут, как липку. Перс может сдать в наем только весь свой дом, без мебели и утвари; но в Мешедисере и это немыслимо, так как каждый домохозяин живет в своем доме и другого такого в запасе не имеет. Наконец, что вы станете делать в доме без мебели, посуды, без повара, в четырех голых стенах, который нужны вам всего на несколько дней. Из этого более чем печального положения выручает всех Д. А. Паньянц; он дает у себя приют каждому христианину, кого судьба забросит в Мешедисер. Д. А. Паньянц и его супруга умеют так сердечно отнестись к каждому, кто вступает в их гостеприимный дом, что вскоре начинаешь чувствовать себя словно среди близких родных людей; и все это делается от души, бескорыстно, и хозяева дома сочли бы для себя большим оскорблением, если бы гость заикнулся даже о каком бы то ни было вознаграждении.

Едва я успел сойти с седла, как мой осетин докладывает мне, что таможня не пропускает через свою рогатку наших навьюченных лошадей. В Персии, на удивление всему миру, существует пошлина на все вывозимые товары, и в то время, как все европейские государства стараются облегчить вывоз своих товаров и даже выдают премии за экспорт некоторых продуктов, несчастная Персия употребляет все усилия в обратном смысле. Мало того, Персия сохранила еще в первобытном виде целую систему внутренних пошлин, сборов и налогов на товары — ни дать, ни взять допетровская Россия.

Благодаря вмешательству г. Паньянца, наши вьюки были пропущены под условием, что их досмотрят в караван-сарае, в действительности в комнате, отведенной для прислуги.

Едва ли возможно назвать преувеличением, если я скажу, что после такой дороги приходится положительно выстирать себя; операцию эту я желал было совершить в реке или в море, но меня останавливают, заявляя, что купание осенью вызывает лихорадку.

Какое удовольствие испытываешь, вымывшись и переодевшись после семидневного перехода и ночлегов в персидских караван-сараях.

Два окна отведенной мне чистенькой с прекрасною кроватью комнаты выходят в маленький отдельный садик, с клумбами цветущих роз, гвоздики и резеды; посреди двора под тенью померанцевых деревьев с их густой, жирной, блестящей листвой помещается круглый глубокий колодец; кругом по забору вьются виноградные лозы, подымаясь вверх и охватывая собою галерею верхнего этажа. У потолка галерея вся увешана дынями, оплетенными циновкою: в таком виде дыни могут просуществовать всю зиму.

— Пожалуйте наверх пить кофе.

Оглядываюсь, предо мною чистенько одетая горничная, уроженка Саратова. Присутствие этой горничной говорит мне о близости России, близости другой культуры, угрожающей грязному разлагающемуся и дикому Востоку.

На открытой галерее превосходно сервирован кофе со сливками, печеньями и т. д. Из галереи дверь ведет в гостиную; везде чистота, порядок, комфорт; на каждом шагу так и сказывается заботливая рука умелой хозяйки дома. В моей небольшой комнате чисто и уютно; её дверь выходит в столовую, куда дважды, в 12 часов утра и в 8 часов вечера, к завтраку и обеду, собирается небольшая семья г. Паньянца и все его служащие. Помещение конторы и служебная часть дома выходят во двор караван-сарая, который представляет из себя очень большую площадь, огражденную со всех сторон высокими стенами. В сущности, это громадный склад для товаров, получаемых из России и Персии.

Русские товары доставляются пароходами по Каспийскому морю, персидские — вьюками изнутри страны. Не проходит пяти минут, чтобы в обширных воротах караван-сарая не появлялся все новый и новый караван. Случается, что во дворе накопляется до сотни навьюченных животных. Проводники вместе с рабочими быстро развьючивают каждый свой караван, складывают вьюки в определенные места и, получив квитанции, удаляются. Когда на рейде появляется пароход, в караван-сарае идет двойная работа; необходимо нагрузить пароход товарами, полученными из Персии, и принять товары, доставленные пароходом и предназначенные для продажи на персидских рынках. Мазандеранский караванный путь имеет пока для Персии и России большое коммерческое значение, а с улучшением дорог он решительно уничтожит значение Решт-Тегеранского пути, главным образом потому, что расстояние Мешедисера от Тегерана вдвое короче расстояния между Тегераном и Рештом. В Мешедисере, маленьком персидском городке на берегу Каспийского моря, образовался европейский муравейник, трудолюбивый, энергичный, трезвый и умно ведущий свое дело. И рядом с этим персидская таможня на откупе; еле грамотный мешедисерский градоправитель и несколько злосчастных мелких чиновников, нищих, жадных и голодных.

В то время, как в конторе г. Паньянца и в караван-сарае идет неустанная кипучая деятельность, начальник таможни, правильнее поверенный откупщика, и брат его, только того и глядят, чтобы сорвать что-либо лишнее с привозимых товаров; такого же мнения держится местный мешедисерский гоголевский Держиморда и прочая чиновная братия. Все они обзавелись массой жен, проводят большую часть времени в эндерунах в безделье и узаконенном разврате и, только почуяв добычу, выползают из своих нор. В Мешедисере тяжко работает лишь бедный персидский люд — чернорабочие при нагрузке и разгрузке пароходов. Работают они, бедные, слабо и неумело, а главное, работают без уверенности, что они смогут воспользоваться своим трудом: ведь здесь каждый хан, каждый Держиморда обирает слабого, и последний нигде не найдет защиты. Результатом этой неуверенности в завтрашнем дне и является печальное экономическое положение мазандеранского берега, который мог бы производить в двадцать раз более всяких продуктов вообще и хлопка в особенности, чем в настоящее время.

За караван-сараем, ближе к морю, находится небольшое здание — агентство общества «Кавказ и Меркурий», одноэтажный новенький домик европейской постройки; за агентством, ближе к реке, деревянные навесы и амбары Лианозовского рыбного промысла. Все эти здания, вместе взятые, и составляют центральную торговую часть города, хотя понятие «город» никак не вяжется с представлением о Мешедисере. Мешедисер, в сущности, большая, очень красивая по своему местоположению деревня. Она раскинулась по обоим лесистым берегам реки Бабуль, преимущественно по левому его берегу, где она доходит до широкого устья реки. Правый берег Бабуля вплотную до самого моря покрыт красивым южным лесом, который выше по реке переходит в сады, окружающие небольшие персидские усадьбы. Эти усадьбы, разбросанные по берегу реки и едва виднеющиеся из-за громадных деревьев и кустов, имеют очень живописный вид и могли бы годиться для самого поэтического пейзажа. Прибрежная небольшая, сажен в 50, полоса представляет собою песчаное взморье, усыпанное местами красивою мозаичною галькою. Песчаный берег, на довольно большом расстоянии,

влажный вследствие частых прибоев, в тихую погоду представляет лучшее место для прогулки; идя по такому берегу, вы оставляете за собою только легкие влажные следы. Чем дальше от берега, тем выше подымаются песчаные холмы, густо поросшие большими кустами ежевики. По всему видно, что в отдаленные времена холмы эти были нанесены морским прибоем, который теперь уже не достигает этих мест. Полоса кустарников ежевики тянется вдоль берега на очень далекое расстояние. За этой полосою идет обыкновенный кустарник, незаметно переходящий в лес. Кустарники ежевики, покрытые очень вкусными темно-синими ягодами, служат излюбленным местопребыванием фазанов, которые находят защиту среди перепутавшихся веток этого страшно колючего растения. Легавая собака ни за какие блага не полезет внутрь такого кустарника, а охотник тем паче. В двух верстах к востоку от Мешедисера за холмами, покрытыми ежевикой, находится небольшое озеро пресной воды, наполовину заросшее камышом; здесь водятся в изобилии дикие утки, а камыши полны диких свиней.

«Как ни умудрись огородить сад, они все же проберутся и произведут опустошения; это бич нашего огородничества и садоводства», — жаловался Д. А. Паньянц. Персы, не употребляя в пищу свинину, не охотятся на диких свиней, и те разгуливают на просторе, между тем как местное население положительно истребляет диких уток, которые к осени прилетают сюда массами из России. Персы обыкновенно ловят их в силки, и мне приходилось видеть сотни этих птиц, попадавших в незамысловатые сети ловцов. В числе многих способов ловли диких уток существует здесь один крайне комичный. Высмотрев место, где обыкновенно плавают стада диких уток, перс бросает в воду несколько больших пустых тыкв, с нарисованными на них глазами, ртом и носом. Когда утки достаточно привыкнут к такому зрелищу и совершенно перестанут опасаться таких плавающих физиономий, тогда перс прорезывает в одной из плавающих тыкв отверстие для глаз и рта и, надев её на голову, чуть свет отправляется в озеро. Погрузившись в воду по шею, охотник медленно приближается к стаду и начинает таскать уток за ноги под воду в заранее приготовленный мешок; без малейшего шума и крика утки одна за другою исчезают под водою, в то время как плавающая тыква еле передвигается с места на место.

В сотне шагов от дома г. Паньянца имеется старинная полуразрушенная башенка, очевидно, когда-то очень давно построенная персами для наблюдения за крейсированием небольших туркменских кочерм. С покорением нами туркмен, башенка, и без того плохая, потеряла всякое значение; ныне можно было бы подумать, что зайцы условились занимать поочередно почетный караул у этого далеко не грозного укрепления: сколько раз бывало ни подымешься к башенке, непременно косой тут как тут.

...

Но пока, несмотря на все широчайшие перспективы, богатейшая в мире страна находится в полном запустении. Здесь культура еще не коснулась ни единой отрасли народного труда; здесь все дико: дикие арбузы, дикие дыни, дикие померанцы и дикие персы. Единственным, например, культурным садом на всем побережье является сад, разведенный Д. А. Паньянцем в Мешедисере. Хотя сад еще молодой, но он полон прекрасных фруктов: ветви больших гранатовых деревьев гнутся от тяжести плодов; многие из гранатов уже поспели и, лопнув, пораскрыли свои розовые сочные зерна, похожие на сотовые ячейки; большинство аллей обсажены апельсиновыми, померанцевыми и лимонными деревьями; некоторые молодые померанцы слегка пострадали в прошлую зиму и только к октябрю успели дать сильные сочные побеги; все молодые ветки усыпаны белыми цветами, словно опушены снегом, и наполняют сад острым тонким ароматом; тут же, у цветущих померанцевых деревьев, приютились кусты махровых роз; они тоже все в цвету, и их запах смешивается с запахом цветов померанца. Правее следует отдел других фруктовых деревьев. При входе в сад по левой руке — длинная беседка, вся покрытая розовыми гроздьями позднего сорта винограда, который поспевает только в конце октября; затем идут мандарины, груши и яблони. Сад окопан рвом и обсажен десятками деревьев различных пород. Далее за садом большая долина, покрытая густым высоким кустарником, оканчивающаяся с восточной стороны небольшим озером пресной воды. Так и кажется, что весь этот Мазандеранский берег просит приложить к нему хоть немного сознательного, разумного

человеческого труда, и он во всех отношениях станет выше Черноморского побережья и даже Батума.

...

Сборы были недолги. Простившись с милой и гостеприимной семьей Д. А. Паньянца и маленькой русской колонией, которая вместе со служебным персоналом барака составляла всего лишь три человека, мы очутились на корме маленького старого парохода, который, кажется, даже не имел никакого названия, а может быть, когда-нибудь и имел таковое, да, за давностью времени, потерял его.

---

5. Excerpts from the book "Persia and the Persians: Sketches and Essays by S. Lomnitsky. 1898-1900" - St. Petersburg: 1902

--

Overnight stay at Barefrush. Although today's march was short - only thirty-five versts, the bad road and the fatigue of the horses did not allow us to cover a greater distance. In any case, it is pleasant to go to bed with the consoling thought that tomorrow there is a march of only twenty-one versts ahead, and then - farewell to the saddle. I must admit that six days of horseback riding has tired me beyond belief; in spite of the excellent Arabian saddle, on the sixth day one still feels extremely tired. In Barefrush in the evening my ears were pleasantly surprised by the steam whistle; here, as I said, two cotton gins are in operation, one of which belongs to the very large and respectable firm of **the Panyants brothers** . The seeds obtained annually from cotton cleaning (up to one hundred thousand poods) are partly used to fire steam boilers, partly sold to the Persians at 3-4 cranes per khalvar, that is, from 60 to 80 kopecks per nine poods; It happens that the plant sells them cheaper, since the fence of the plant does not contain such a quantity of waste. Meanwhile, excellent oil can be extracted from cottonseed, which finds the most diverse application in technology, but it is obvious that the conditions for squeezing the oil, delivering it to Meshediser and then selling it do not yet present sufficient benefits for the development of this branch of industry.

...

After an hour's march we enter a large forest village, pass through it and stop a hundred steps from the seashore, which opens up suddenly, not previously visible because of the dense trees. On the left side is the mouth of the Babul River, the opposite bank is covered with a dense forest; on the right is a two-story Persian building - the customs, and closer to the sea is a huge caravanserai with a two-story extension, where the private apartment of D. A. Panyants is located. Such is Meshediser, numbering about two thousand residents, a figure more than modest for a port city.

...

XXVII. Meshediser.

On Saturday, at eleven o'clock in the morning, exactly a week after leaving Tehran, I drove up to the hospitable house **of D. A. Panyants** and, I admit, it was not without pleasure that I parted with the saddle.

The house of Mr. **Panyantz** is truly a hospitable refuge for all Europeans, and especially for Russians; other foreigners are hardly to be seen here. Every Christian who finds himself in Meshediser is in the position of a man cast ashore on an uninhabited island. In the whole town there is not only no hotel, but not even any inn or anything of the sort. There is no possibility of renting any premises here, since no Persian would dare to rent you part of his house; after all, you desecrate his dwelling by your presence. Apparently, the fear of the clergy is so great that it keeps the flock from even earning a living. If anyone were to dare to do such a thing, such a disobedient mullah would immediately be brought before the clergy court, thrown into prison, subjected to torture and torment, and robbed like a linden tree. A Persian can rent only his entire house, without furniture and utensils; but in Meshediser even this is unthinkable, since each householder lives in his own house and has no other such in reserve. Finally, what will you do in a house without furniture, dishes, without a cook, in four bare walls, which you need only for a few days. From this more than sad situation, D. A. Panyants rescues everyone; he gives shelter to every Christian whom fate throws into Meshediser. D. A. Panyants and his wife know how to treat everyone who enters their hospitable home so cordially that soon you begin to feel as if you were among close relatives; and all this is done from the heart, selflessly, and the owners of the house would consider it a great insult to themselves if the guest even hinted at any kind of reward.

I had hardly managed to get out of the saddle when my Ossetian reported to me that the customs would not let our loaded horses through their barrier. In Persia, to the surprise of the whole world, there is a duty on all exported goods, and while all European states are trying to facilitate the export of their goods and even give out bonuses for the export of certain products, unfortunate Persia is using all its

efforts in the opposite sense. Moreover, Persia has preserved in its primitive form a whole system of internal duties, fees and taxes on goods - neither give nor take pre-Petrine Russia.

Thanks to the intervention of Mr. Panyanets, our packs were allowed through on the condition that they would be inspected in the caravanserai, which in reality was in the room reserved for the servants.

It would hardly be an exaggeration to say that after such a journey one has to wash oneself thoroughly; I wanted to perform this operation in the river or in the sea, but they stopped me, declaring that bathing in autumn causes fever.

What a pleasure it is to wash and change clothes after a seven-day journey and overnight stays in Persian caravanserais.

The two windows of the neat room with a beautiful bed assigned to me look out onto a small separate garden, with beds of blooming roses, carnations and mignonette; in the middle of the yard, under the shade of the orange trees with their thick, fat, shiny foliage, there is a round deep well; grape vines twine around the fence, rising upward and embracing the gallery of the upper floor. At the ceiling, the gallery is all hung with melons, woven with matting: in this form, the melons can survive the whole winter.

- Please come upstairs and have some coffee.

I look around, before me is a neatly dressed maid, a native of Saratov. The presence of this maid tells me about the proximity of Russia, the proximity of another culture, threatening the dirty, decaying and wild East.

On the open gallery coffee with cream, biscuits, etc., is served superbly. From the gallery a door leads into the living room; everywhere there is cleanliness, order, comfort; at every step one can

feel the caring hand of a skilled hostess. My small room is clean and cozy; its door opens into the dining room, where twice, at 12 o'clock in the morning and at 8 o'clock in the evening, Mr. Panyants's small family and all his employees gather for breakfast and dinner. The office and the service part of the house open onto the courtyard of the caravanserai, which is a very large area, enclosed on all sides by high walls. In essence, this is an enormous warehouse for goods received from Russia and Persia.

Russian goods are brought in by steamers across the Caspian Sea, Persian goods by pack-carts from within the country. Not five minutes pass without a new caravan appearing at the spacious gates of the caravanserai. It happens that up to a hundred loaded animals accumulate in the yard. The guides and workers quickly unload each of their caravans, put the packs in designated places and, having received receipts, leave. When a steamer appears in the roadstead, the caravanserai is doubly busy; it is necessary to load the steamer with goods received from Persia and to accept goods delivered by steamer and intended for sale in the Persian markets. The Mazanderan caravan route is still of great commercial importance for Persia and Russia, and with the improvement of the roads it will decisively destroy the importance of the Rasht-Teheran route, mainly because the distance from Meshediser to Teheran is half the distance between Teheran and Rasht. In Meshediser, a small Persian town on the shores of the Caspian Sea, a European anthill has formed, hard-working, energetic, sober and cleverly conducting its business. And next to this, a Persian customs office on lease; a barely literate Meshediser city governor and several unfortunate minor officials, poor, greedy and hungry.

While in the office of Mr. Panyants and in the caravanserai there is constant, vigorous activity, the head of the customs, or rather the tax farmer's attorney, and his brother are only looking to rip off something extra from the goods being brought in; the local Meshediser Gogol's Derzhimorda and other official fraternity are of the same opinion. They have all acquired a host of wives, spend most of their time in the enderuns in idleness and legalized debauchery, and only when they sense prey do they crawl out of their holes. In Meshediser, only the poor Persian people work hard - laborers loading and unloading steamships. They work, the poor, weakly and ineptly, and

most importantly, they work without confidence that they will be able to use their labor: after all, here every khan, every Derzhimorda robs the weak, and the latter will find no protection anywhere. The result of this uncertainty about the future is the sad economic situation of the Mazanderan coast, which could produce twenty times more of all kinds of products in general and cotton in particular than at present.

Behind the caravanserai, closer to the sea, there is a small building - the agency of the Caucasus and Mercury Society, a brand new one-story house of European construction; behind the agency, closer to the river, there are wooden sheds and barns of the Lianas of the Ozovsky fishing industry. All these buildings taken together make up the central commercial part of the city, although the concept of a "city" does not fit in with the idea of Meshediser. Meshediser is, in fact, a large village, very beautiful in its location. It is spread out along both wooded banks of the Babul River, mainly along its left bank, where it reaches the wide mouth of the river. The right bank of the Babul right up to the sea is covered with a beautiful southern forest, which further up the river turns into gardens surrounding small Persian estates. These estates, scattered along the river bank and barely visible from behind huge trees and bushes, have a very picturesque appearance and could be suitable for the most poetic landscape. The coastal strip is small, about 50 fathoms, and is a sandy beach, strewn in places with beautiful mosaic pebbles. The sandy shore, for quite a long distance, is damp due to frequent surf, and in calm weather is the best place for a walk; walking along such a shore, you leave behind only light damp traces. The farther from the shore, the higher the sandy hills rise, densely covered with large blackberry bushes. It is obvious that in ancient times these hills were deposited by the sea surf, which now no longer reaches these places. The strip of blackberry bushes stretches along the shore for a very long distance. Beyond this strip there is ordinary bush, imperceptibly turning into a forest. Blackberry bushes, covered with very tasty dark blue berries, serve as a favorite habitat for pheasants, which find protection among the tangled branches of this terribly prickly plant. A pointer would never venture into such a bush for any price, and a hunter even less so. Two miles to the east of Meshediser, behind the hills covered with blackberries, there is a small lake of fresh water, half overgrown with reeds; here wild ducks abound, and the reeds are full of wild pigs.

"No matter how you manage to fence off your garden, they will still get through and wreak havoc; this is the scourge of our gardening and horticulture," complained D. A. Panyants. The Persians, not eating pork, do not hunt wild pigs, and they roam freely, while the local population positively exterminates the wild ducks, which fly here in masses from Russia in the autumn. The Persians usually catch them in snares, and I have seen hundreds of these birds caught in the simple nets of hunters. Among the many ways of catching wild ducks, there is one extremely comical one. Having spotted a place where flocks of wild ducks usually swim, a Persian throws into the water several large empty pumpkins with eyes, a mouth and a nose painted on them. When the ducks have become sufficiently accustomed to such a spectacle and have completely ceased to be afraid of such floating physiognomies, then the Persian cuts a hole in one of the floating pumpkins for the eyes and mouth and, putting it on his head, sets off for the lake at dawn. Having immersed himself in the water up to his neck, the hunter slowly approaches the flock and begins to drag the ducks by their legs under the water into a previously prepared bag; without the slightest noise or cry, the ducks disappear under the water one after another, while the floating pumpkin barely moves from place to place.

A hundred paces from Mr. Panyants' house there is an ancient, half-ruined tower, apparently built a long time ago by the Persians to observe the cruising of small Turkmen kochermas. With our conquest of the Turkmen, the tower, already poor, lost all significance; now one might think that the hares have agreed to take turns to stand guard of honor at this far from formidable fortification: no matter how many times you climb up to the tower, the scythe is always there.

...

But for the time being, despite all the broad prospects, the richest country in the world is in complete desolation. Here, culture has not yet touched a single branch of national labor; everything is wild here: wild watermelons, wild melons, wild bitter oranges and wild Persians. The only cultivated garden, for example, on the entire coast is the garden planted by D. A. Panyants in Meshediser. Although the garden is still young, it is full of wonderful fruits: the branches of large pomegranate trees bend under the weight of the fruit; many of the

pomegranates have already ripened and, bursting, have revealed their pink, juicy grains, similar to honeycomb cells; most of the alleys are planted with orange, bitter orange and lemon trees; some young bitter oranges suffered slightly last winter and only by October managed to produce strong, juicy shoots; all the young branches are strewn with white flowers, as if covered with snow, and fill the garden with a sharp, subtle aroma; Right there, near the blossoming orange trees, bushes of double roses have taken refuge; they are also all in bloom, and their scent mingles with the scent of the orange blossoms. To the right there is a section of other fruit trees. At the entrance to the garden, on the left hand side, there is a long arbour, all covered with pink bunches of a late variety of grapes, which ripens only at the end of October; then there are tangerines, pears and apple trees. The garden is dug with a ditch and planted with dozens of trees of various species. Further behind the garden there is a large valley, covered with thick, tall bushes, ending on the eastern side with a small lake of fresh water. It seems that this entire Mazanderan coast asks for at least a little conscious, reasonable human labour to be applied to it, and it will in all respects become higher than the Black Sea coast and even Batumi.

...

The preparations were short. Having said goodbye to the nice and hospitable family of D. A. Panyants and the small Russian colony, which together with the service personnel of the barracks amounted to only three people, we found ourselves on the stern of a small old steamship, which, it seems, did not even have any name, and perhaps once had one, but, due to the passage of time, lost it.

6. О возможной связи семьи Панян с торговой семьей Паносенц из Новой Джульфы

В диссертации Ш. Л. Хачикян на соискание научной степени кандидата исторических наук (Ереван, 1984), озаглавленной как "Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (XVII-XVIII вв.)", есть упоминания о некоем Минасе Паносенце, который был главой крупной торгово-купеческой фамилии Паносенц, действовавшей в Новой Джульфе в Персии, а до этого и в Старой Джульфе.

Минас Паносенц был в числе 22 глав торговых семейств, подписавших доверенность на имя представителя купечества Новой Джульфы, который прибыл в Москву в конце XVII века на переговоры с русским правительством. В результате переговоров царь Алексей Михайлович (отец Петра I) даровал право этим купцам торговать монопольно с Россией. Во время всех этих событий купцы преподнесли царю так называемый Алмазный трон, который сейчас находится в Оружейной палате Кремля.

Известному армянскому историку Аргаму Айвазяну, который специализируется по Нахичевану, был задан вопрос, не была ли семья Панян из Агулиса связана с Паносенцами; не одна ли и та же это семья? Ответ А. А. Айвазяна: о**н точно не знает, но сказал, что это весьма вероятно (частное сообщение).**

Ниже представлен отрывок из диссертации:

"Под данной Лусикову доверенностью поставили свои подписи и печати 23 знатных жителя Новой Джульфы. Как и ожидалось, первая подпись принадлежала калантару Богдану, подписавшемуся: «Выборной человек Аствацатур Миретенц». Переводчик заменил армянское имя Аствацатур соответствующим русским эквивалентом Богдан, а должность калантара — выборным человеком, подчеркнув выборность этой должности. Все, кто подписался после занявшего в 1671 году пост мэра города Новой Джульфы Аствацатура Миретенца, были названы «товарищи старшины». Они упоминаются и в других касающихся переговоров Григория Лусикова документах, где в одном случае называются «Армянской компании начальные люди», в другом — «армянские лучшие люди, которые есть в Испогани». Лишь однажды, в написанном рукой Гр. Лусикова и направленном царю прошении (написано по-армянски 27 июля 1671 года) о подлежащем обсуждению скреплённом соответствующими

подписями документе, из-за чего собственно он и приехал в Москву, говорится: «Вновь калантар и наши компании подписали договор с государем. Все под договором подписались и скрепили печатью: о чём договорились или что намечается сделать — согласны. Да принесём этот договор в услугу государю».

Таким образом, Лусикова, как видим, направили с поручением вести переговоры с царским правительством прежде всего калантар Новой Джульфы и ещё 22 человека, которых называли «товарищи старшины», «начальные люди», «армянские лучшие люди» и, наконец, руководством компаний (подчеркиваем, компаний, а не компании). Ниже приводится список руководства, представленный с некоторыми поправками, ибо имена и фамилии здесь даны в русской транскрипции, мы же попытались по мере возможности восстановить их первоначальное звучание и написание. Аствацатур Миретенц (калантар Новой Джульфы) Пстикага Шаихасенц Агапири Джахатуненц Маргар Шахриманенц Сафар Топченц Захар Геракенц Мартирос Агенц Аветик Гиланенц Вахгум Джуаири Григор Гиузенц Ованнес Джеаркаланенц Агазар Камаленц Гукас Джамаленц Григор Амирасатенц Агапири Мирзабекенц Воскан Джахирунц **Минас Паносенц** Вальяндис Тагаринц Акопджан Устабаши Алов Лусикенц Овсеп Наненц Карапет Карасманкац Ованнес Аскандаров Лица, подписавшие этот документ от имени джульфинских армян, являлись, как правило, главами и наиболее уважаемыми представителями крупных торговых фамилий, играющих в 70-х годах XVII века активную роль в экономической жизни армянского города. Все они принадлежали к богатейшему и известному классу армянских ходжа."

6. On the possible connection of the Panyan family with the Panosentz merchant family from New Julfa

In Sh. L. Khachikyan's dissertation for the degree of candidate of historical sciences (Yerevan, 1984), entitled "The Armenian merchant class of New Julfa and its role in Armenian-Russian trade relations (17th-18th centuries)," there is mention of a certain Minas Panosentz, who was the head of a major trading and merchant family, the Panosentz, operating in New Julfa in Persia, and before that, in Old Julfa.

Minas Panosentz was among 22 heads of merchant families who signed a power of attorney in the name of a representative of the New Julfa merchant class, who arrived in Moscow at the end of the 17th century for negotiations with the Russian government. As a result of the negotiations, Tsar Alexei Mikhailovich (father of Peter the Great) granted these merchants the right to trade exclusively with Russia. During these events, the merchants presented the Tsar with the so-called Diamond Throne, which is now housed in the Kremlin Armory.

The renowned Armenian historian Argam Ayvazyan, who specializes in Nakhichevan, was asked whether the Panyan family of Agulis was related to the Panosentsi; were they the same family? A. A. Ayvazyan's answer: he doesn't know for sure, but he said it was highly likely (private communication).

Below is an excerpt from the dissertation:

"Twenty-three noble residents of New Julfa signed and sealed the power of attorney given to Lusikov. As expected, the first signature belonged to Kalantar Bogdan, who signed: 'Elected person Astvatsatur Miretents.' The translator replaced the Armenian name Astvatsatur with the corresponding Russian equivalent, Bogdan, and the position of Kalantar with 'Elected person,' emphasizing the elective nature of this position. All those who signed after Astvatsatur Miretents, who became mayor of New Julfa in 1671, were referred to as 'comrade elders.' They are also mentioned in other documents concerning Grigory Lusikov's negotiations, where in one case they are called 'the leading people of the Armenian company,' and in another, 'the best Armenian people who are in Ispogan.' Only once, in a petition written by Grigory Lusikov and sent to the Tsar (written In a document signed in Armenian on July 27, 1671, regarding the document to be discussed, which was the reason he had come to Moscow, it states: "The Kalantar and our companies have again signed a treaty with the sovereign. Everyone has signed and sealed the treaty: we agree to what we have agreed

upon or what is planned to be done. Let us bring this treaty as a service to the sovereign."

Thus, as we see, Lusikov was sent with the task of negotiating with the tsarist government, primarily by the Kalantar of New Julfa and 22 other people, referred to as "comrade elders," "leading men," "Armenian best men," and, finally, the company management (we emphasize, "companies," not "companies"). Below is a list of the management, presented with some corrections, as the names and surnames here are given in Russian transcription, but we have attempted to restore their original pronunciation and spelling as far as possible. Astvatsatur Miretents (Kalantar of New Julfa) Pstikaga Shaikhasents Agapiri Dzhakhatunents Margar Shahrimanents Safar Topchenz Zakhar Gerakents Martiros Agentz Avetik Gilanents Vakhgum Juairi Grigor Giuzents Hovhannes Dzharkalanents Agazar Kamalents Ghukas Jamalents Grigor Amirasatenz Agapiri Mirzabekents Voskan Dzhakhirunts Minas Panosents Valyandis Tagharints Hakobjan Ustabashi Alov Lusikents Hovsep Nanents Karapet Karasmankats Hovhannes Askandarov The persons who signed this document on behalf of the Julfa Armenians were, as a rule, the heads and most respected representatives of large trading families that played an active role in the economic life of the Armenian city in the 70s of the 16th century. All of them belonged to the richest and most famous class of Armenians Hodja."

7. Разное

ПУТЕШЕСТВИЕ САРЬЯНА В ИРАН

“В конце апреля 1913 года я был в Баку. Через несколько дней мы покинули Баку на корабле, ночью пересекли Каспийское море и утром направились в Мешхедисер, Иран. Золотистое небо сумерек с огромным солнечным диском цеплялось за рябь волн, сплетенных, словно орнамент. Затем оно скрылось за горизонтом.

На следующее утро мы плыли в Мазендеран. Мы уже могли видеть горы Эльбурз с высокой конической вершиной Дамаванд, которые тянулись вдоль всего южного побережья Каспийского моря. Когда мы добрались до Мешхедисера, море у берега было неспокойным.

Семья **Панян** гостеприимно приняла меня, предоставив отдельную комнату в своей квартире. Я пробыл там около недели. Затем я отправился в Барфраш и поселился в армянском караван-сарае. Должен сказать, что и здесь мои соотечественники приняли меня очень хорошо. Мне снова предоставили отдельное жилье с хорошими удобствами”.

В Мешедисере ничего интересного не оказалось. Жившая там армянская семья **Паньянов** с большим радушием приютила меня. Я прожил у них около недели. В эти дни распространился слух о восстании одного из родственников шаха Салларуд-Доулэ, который захватил расположенный близ Мешедисера район с городом Сари. Ждали нашествия мятежников и сюда. Это могло помешать моему путешествию.

С балкона Паньянов виднелись белые палатки русских казаков, охраняющих территории нефтепромышленника Лианозова. Это в какой-то степени успокаивало меня. Я полагал, что в случае стычек между персами казаки защитят своего соотечественника. Казачий есаул, часто посещавший дом Паньянов, где его обильно угощали, был очень спокоен, уверяя, что ничего серьезного не предвидится.

Из статьи

И. К. ПАВЛОВА
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ В ПЕРСИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по материалам русских архивов)

М. А. Лукошевич обнаружил в Астрабаде и некоторые недостатки. В глаза ему бросилась не совсем порядочная деятельность комиссара компании «К. Надежда» г. **Паньянца**. Было установлено, что Паньянц одновременно является представителем и других обществ, а также и частных лиц. Очевидно, при определенной конкуренции между фирмами это было нарушением с его стороны и должно было вызвать нарекания его официального хозяина. В обязанность Паньянца как комиссара входили следующие функции: он встречал и отправлял пароходы, принимал и сдавал груз, получая за это определенную плату от компании. Дальнейшая отправка грузов в Персию могла производиться как самим заказчиком, так и по его поручению комиссаром. Паньянц исполнял обязанности агента не только в Астрабаде, но и в других близлежащих городах — Бастане и Шахруде. Кроме того, Не имея прав на концессию, он имел в Бендер-Гязе собственную транспортную контору. Неограниченная и неконтролируемая деятельность комиссара Паньянца, по мнению М. А. Лукошевича, могла осуществляться только по причине того, что компания «К. Надежда» Не открыла здесь своего агентства, а пользовалась услугами непроверенных людей.

Хотя надо признать, что деятельность Паньянца, очевидно, все-таки была достаточно эффективной. С его помощью «К. Надежда» успешно конкурировала с компанией «Бюро персидских транспортов». Отметим, что до 1904 г. В Бендер-Гязе находилось пароходное общество «Кавказ и Меркурий», затем на здании, где оно располагалось, появилась надпись «Бюро персидских транспортов», т. е. образовалась уже крупная совместная компания, куда вошло и упомянутое пароходное общество.

Добавим также и то, что отец Паньянца был комиссаром компании «К. Надежда» в Мешидиссере. По наблюдениям М. А. Лукошевича, он пользовался громадной популярностью среди промышленников и торговцев, причем не только среди своих соплеменников, но и персов. (Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию. Л. 44).

Должность консульского агента в г. Мешедессере являлась одним из дипломатических установлений, подчиненных Российскому консулу в г. Астрабаде. Агент действовал в защиту политических и экономических интересов Российской империи (после февр. 1917 – Российской республики) и ее граждан, проживавших в этом районе. Первое документальное упоминание о деятельности агента относится к 20 мая 1917 г. В связи с прекращением финансирования российских дипломатических учреждений в Персии деятельность агента была свернута. Последнее документальное упоминание о его деятельности относится к янв. 1920 г.

Должность агента занимали А.Д. Паньянц (до июля 1917) и А.В. Микитенко (июль 1917–1920).

https://guides.rusarchives.ru/terms/7/945/persiya

https://ke-culture.gov-murman.ru/slovnik/?ELEMENT_ID=259567

Г. Ф. Чиркин. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии / начальника Переселенческого управления Г. Ф. Чиркина. На правах рукописи. — Петроград, 1916.

https://yablor.ru/blogs/g-f-chirkin-otchetnaya-zapiska-o-po/7536414

Справка
о свободных частновладельческих землях в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, могущих быть приобретенными для русской колонизации.

1) **Тунекабуш,** западная часть Мазандерана, 150 вер. вдоль берега и 30 вер. шириной, всего около 450.000 дес. Из них 100.000 десятин под культурами, необходимы для местного населения, 250.000 десятин леса и горы. 100.000 десятин свободно для колонизации.

Земля эта наследственная и бесспорная собственность Сепехдара.

Главное производство здесь — культура риса. Хлопка еще мало.

В этой части провинции уже имеется лесная дубовая концессия Учетно-Ссудного банка.

2) **Амоло-Барфрушско-Мешедессерский район,** вдоль берега 100 вер. и в ширину 60 верст, т. е. около 600.000 десятин; из них под горами и лесами 300.000 дес.; под культурами у местного населения 200.000 десятин, свободных для колонизации до 100.000 десятин.

Владельцы Салар-Мохарем, Эмир Мохарем и Туманянц. Собственность бесспорная.

3) **Мешедессерский булюк** (волость), казенные персидские земли в аренде у

русскоподданного Агаева, частью у русскоподданного **Паньянца**.

Вести переговоры нужно с правительством. Размер площади определить затруднительно.

Иностранных Дел Персии Кавам-эс-Салтане

Господин Министр,

В исполнение срочного предписания моего Правительства и в согласии с моей нотой за № 1908 настоящим имею честь препроводить Вам подробный меморандум, касающийся необходимости незамедлительного урегулирования вопроса опере-ходе, согласно ст. X Русско-Персидского договора 1921 г., бывшего российского имущества в распоряжение персидского народа |30, а равно и таковой же срочной необходимости урегулирования вопроса о правовой защите имущественных интересов граждан Российской Федерации в Персии.

...

II

О нарушении имущественных прав российских граждан

Одновременно с вопросами, касающимися концессионных предприятий, переданных Персидскому Правительству согласно пункту X Договора, подлежат разрешению вопросы не менее болезненные: об имуществах частных лиц — русских граждан, арестованных пли конфискованных Персидским Правительством в течение последнего года. Таким образом захвачены:

1) Имущество торгового дома «А. М. Хоштария» в Гиля-не — железная дорога Решт — Пир-Базар, дом вРеште,гараж н склады.

2) Имущество акционерного общества «Перслес» в Эн-зели и его окрестностях, в том числе дом и разные строения

на острове Миан-Поште в Энзели, и находящаяся здесь же электрическая станция, принадлежащая ныие русским гражданам Розинову и Рапопорту, купившим ее от общества «Перслес» в 1918 г.

3) Керосиновый резервуар гражданина Карапетянца в гор. Бендергязе.

4) Его же керосиновый резервуар в гор. Мешхедесере.

5) Керосиновый резервуар гражданина Паньянца в местности Ферахабад.

6) Керосиновый резервуар Алиева в Энзели.

7) То же гражданина Хаджи-Мир-Абеддна и Багирова в Энзели.

(Вышеприведенный перечень не охватывает всех случаев нарушения имущественных прав российских граждан, а равно граждан прочих Советских Республик и отмечает лишь наиболее крупные случаи нарушений; о прочих случаях Полномочное Представительство собирает необходимый материал.)

7. Miscellaneous

SARYAN'S TRIP TO IRAN

“I was in Baku at the end of April 1913. A few days later we left Baku by ship, crossed the Caspian Sea at night and headed for Meshediser, Iran, in the morning. The golden sky of twilight with the huge disk of the sun clung to the ripples of the waves, intertwined like an ornament. Then it disappeared over the horizon.

The next morning we sailed to Mazandaran. We could already see the Elburz Mountains with the high conical peak of Damavand, which stretched along the entire southern coast of the Caspian Sea. When we reached Meshediser, the sea near the shore was rough.

Panyan family received me hospitably, providing me with a separate room in their apartment. I stayed there for about a week. Then I went to Barfrash and settled in an Armenian caravanserai. I must say that here, too, my compatriots received me very well. I was again provided with separate housing with good amenities.”

There was nothing interesting in Meshediser. The Armenian family **of Panyans who lived there** gave me shelter with great hospitality. I stayed with them for about a week. During these days, a rumor spread about the rebellion of one of the relatives of Shah Sallarud-Doule, who captured the region near Meshediser with the city of Sari. They were expecting the rebels to invade here too. This could hinder my journey.

From the Panyans' balcony, I could see the white tents of the Russian Cossacks guarding the territory of the oil industrialist Lianozov. This calmed me down to some extent. I believed that in the event of clashes between the Persians, the Cossacks would protect their compatriot. The Cossack captain,

who often visited the Panyans' house, where he was generously treated, was very calm, assuring me that nothing serious was expected.

From the article

I.K. PAVLOVA
ACTIVITIES OF RUSSIAN TRANSPORT COMPANIES IN PERSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (based on materials from Russian archives)

M. A. Lukoshevich also found some shortcomings in Astrabad. He was struck by the not entirely honest activities of the commissioner of the K. Nadezhda company, Mr. **Panyants** . It was established that Panyants was simultaneously a representative of other companies, as well as private individuals. Obviously, given the certain competition between the companies, this was a violation on his part and should have caused criticism from his official owner. Panyants' duties as a commissioner included the following functions: he met and dispatched steamships, accepted and delivered cargo, receiving a certain fee for this from the company. Further shipment of cargo to Persia could be carried out either by the customer himself or by the commissioner on his behalf. Panyants acted as an agent not only in Astrabad, but also in other nearby cities - Bastan and Shahrud. In addition, not having the rights to the concession, he had his own transport office in Bender-Gyaz. The unlimited and uncontrolled activities of Commissioner Panyants, according to M. A. Lukoshevich, could only be carried out because the company “K. Nadezhda” did not open its agency here, but used the services of unverified people.

Although it must be admitted that Panyants' activity was obviously quite effective. With his help, K. Nadezhda successfully competed with the Persian Transport Bureau. It should be noted that until 1904, the Caucasus and Mercury shipping company was located in Bender-Gyaz, then the building where it was located was inscribed with the words "Persian Transport Bureau", i.e. a large joint company had already been formed, which included the aforementioned shipping company.

Let us also add that Panyants' father was the commissioner of the K. Nadezhda company in Meshidisser. According to M. A. Lukoshevich, he enjoyed enormous popularity among industrialists and traders, and not only among his fellow tribesmen, but also among the Persians. (General overview of the transportation of goods to Northern Persia. L. 44).

The position of consular agent in Meshedesser was one of the diplomatic posts subordinate to the Russian consul in Astrabad. The agent acted in defense of the political and economic interests of the Russian Empire (after February 1917 – the Russian Republic) and its citizens living in

this area. The first documentary mention of the agent’s activities dates back to May 20, 1917. Due to the cessation of funding for Russian diplomatic institutions in Persia, the agent’s activities were curtailed. The last documentary mention of his activities dates back to January 1920.

The position of agent was held by A.D. Panyants (until July 1917) and A.V. Mikitenko (July 1917–1920).

https://guides.rusarchives.ru/terms/7/945/persiya

https://ke-culture.gov-murman.ru/slovnik/?ELEMENT_ID=259567

G. F. Chirkin . Report on the trip in the spring of 1916 to the Astrabad and Mazanderan provinces of Northern Persia / by the head of the Resettlement Directorate G. F. Chirkin. Manuscript rights. — Petrograd, 1916.

https://yablor.ru/blogs/gf-chirkin-otchetnaya-zapiska-o-po/7536414

Information
on free private lands in the Astrabad and Mazanderan provinces that could be acquired for Russian colonization.

1) **Tunekabush,** the western part of Mazanderan, 150 ver. along the coast and 30 ver. wide, a total of about 450,000 dessiatines. Of these, 100,000 dessiatines are under crops, necessary for the local population, 250,000 dessiatines of forest and mountain. 100,000 dessiatines are free for colonization.

This land is the hereditary and undisputed property of Sepehdar.

The main production here is rice cultivation. There is still little cotton.

In this part of the province there is already a forest oak concession of the Discount and Loan Bank.

2) **Amolo-Barfrushko-Meshedessersky district,** 100 versts along the coast and 60 versts wide, i.e. about 600,000 dessiatines; of which 300,000 dessiatines are under mountains and forests; 200,000 dessiatines are under

crops of the local population, up to 100,000 dessiatines are free for colonization.

Owners Salar-Moharem, Emir Moharem and Tumanyants. Ownership is indisputable.

3) **Meshedessersky buluk** (volost), state-owned Persian lands leased from

Russian subject Agaev, partly from Russian subject **Panyanets** .

Negotiations need to be conducted with the government. It is difficult to determine the size of the area .

Foreign Affairs of Persia Qavam es-Saltan

Dear Minister,

In pursuance of the urgent order of my Government and in accordance with my note No. 1908, I have the honor to forward to you a detailed memorandum concerning the need for an immediate settlement of the question of the transfer, in accordance with Article X of the Russo-Persian Treaty of 1921, of former Russian property to the Persian people |30 , as well as the equally urgent need to settle the question of the legal protection of the property interests of citizens of the Russian Federation in Persia.

...

II

On the violation of property rights of Russian citizens

Simultaneously with the questions concerning the concession enterprises transferred to the Persian Government in accordance with paragraph X of the Treaty, questions no less painful are to be resolved: concerning the property of private individuals - Russian citizens, arrested or confiscated by the Persian Government during the last year. Thus, the following have been seized:

1) Property of the trading house "A. M. Khoshtaria" in Gilan - the Rasht - Pir-Bazar railway, a house in Rasht, a garage and warehouses.

2) The property of the Persles joint-stock company in Enzali and its environs, including a house and various buildings

on the island of Mian-Poshte in Anzali, and the electrical station located there, belonging to the Russian citizens Rozinov and Rapoport, who bought it from the Persles company in 1918.

3) Kerosene tank of citizen Karapetyants in the city of Benderyaz.

4) His kerosene reservoir in the city of Meshedesere.

5) Kerosene tank of citizen Panyanets in the Ferakhabad area.

6) Aliyev's kerosene reservoir in Anzali.

7) The same about citizen Hadji-Mir-Abeddin and Bagirov in Anzali.

(The above list does not cover all cases of violation of the property rights of Russian citizens, as well as citizens of other Soviet Republics, and notes only the most significant cases of violations; the Plenipotentiary Representative collects the necessary material for other cases.)